

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 2. С. 19–24. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 19–24. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.6.4. Этнология, антропология, этнография (исторические науки)

УДК 392

EDN WNGKBK

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-19-24>

ЖЕНСКИЙ ТРУД НА КУХНЕ: ПОВСЕДНЕВНАЯ КУЛИНАРИЯ ГЛАЗАМИ АНТРОПОЛОГА

Пушкарёва Наталья Львовна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия, pushkarev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6295-3331>

Аннотация. Историческая антропология питания в ее социально-половом осмыслении – новая область знаний о прошлом. Возможно ли представить кулинарные практики не как содержание повседневного быта, сводимого к утомительной и надоедливой домашней работе и «второй смене» для женщин (рождающей гендерные асимметрии), а как время, отданное отдыху и (более того) досугу? Материалы устной истории, собранные как секвенции неструктурированных биографических интервью, подтверждают эту догадку. Социальный антрополог сочтет, однако, наличие в этих признаниях некоторого приукрашивания действительности и, точнее, перетекания работы в досуг. Еще один вариант интерпретации – видеть в женской работе на кухне особый тип работы-досуга, характерный в особенности для творческих личностей (вне зависимости от профессии и пола) и нередко – работников интеллектуальной сферы, могущих более свободно, нежели другие, распоряжаться бюджетом времени.

Ключевые слова: женская история, историческая антропология повседневности, кулинарные практики, домашняя работа, свободное время, досуг, отдых.

Для цитирования: Пушкарёва Н.Л. Женский труд на кухне: повседневная кулинария глазами антрополога // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 2. С. 19–24. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-19-24>

Благодарности. Поддержано грантом РФФ № 24-718-10005 «Женский голос российской науки 1800–1980-х гг.».

Research Article

WOMEN'S WORK IN THE KITCHEN: EVERYDAY COOKING THROUGH THE EYES OF AN ANTHROPOLOGIST

Natalia L. Pushkareva, DSc in History, Professor, Chief Researcher, Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, pushkarev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6295-3331>

Abstract. Historical anthropology of nutrition in its gender understanding is a new area of knowledge about the Past. Is it possible to imagine culinary practice as time devoted to rest and (moreover) leisure rather than the content of everyday life, reduced to tedious and routine housework and a “second shift” for women (giving rise to gender asymmetries)? Oral history materials collected as sequences of unstructured biographical interviews confirm this guess. A social anthropologist will, however, consider these confessions to contain some embellishment of reality and, more precisely, the flow of work into leisure or a special type of work-leisure, characteristic especially of creative individuals (regardless of profession and sex) and, often, workers in the intellectual sphere, who can more freely than others, manage their time budget.

Keywords: women's history, historical anthropology of everyday life, culinary practices, housework, free time, leisure, rest.

For citation: Pushkareva N.L. Women's work in the kitchen: everyday cooking through the eyes of an anthropologist. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 19–24 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-19-24>

Acknowledgments. Supported by the Grant of the Russian Science Foundation No. 24-718-10005 “The Women's Voice of Russian Science in the 1800–1980s.”

Все, что связано с кулинарией и традициями «накармливания», в последние годы все чаще оказывается в центре внимания психологов, историков, культурологов. Раньше рассуждения на подобные темы могли внушать исследователю «чувство вины за легковесность проблематики» [Барт: 309]. Однако очевидный рост внимания к теме, которая все чаще становится объектом идеологического, а часто и политического осмысления, очевидная ее практическая ориентированность, углубление теоретико-методологических основ ее понимания [Холмс; Counihan] – все показывает востребованность темы питания со стороны тех, кто старается интерпретировать культурный код этноса или одной из его социальных групп.

Изучение антропологии повседневной жизни с неизбежностью ставит вопрос о том, к какой области быта должно быть отнесено все, что связано с алиментарными практиками и кулинарией – что это: повседневный труд (невидимый, не замечаемый в силу привычности и витальной необходимости), свободное от производительного, профессионального труда время или даже отдых (если видеть в кулинарии вид досуга, досужного времяпровождения)? Ответить на эти вопросы можно, опираясь на материалы устной женской истории (собранные ранее неструктурированные биографические интервью, в которых проходит эта тема), а также на основании материалов СМИ и опубликованных воспоминаний, кинофото документов, материалов изобразительного искусства, карикатур.

О понятиях. Однако обратимся вначале к толкованию современной философской мыслью основных понятий, необходимых для исследования. В ходе дискуссий в журнале «Этнографическое обозрение» по вопросу о соотношении труда и отдыха у лиц, занятых научной работой [Пушкарева 2021: 98–105], стороны пришли к общему мнению о различиях между *свободным* от труда *временем* и собственно *отдыхом*.

Свободное время шире понятия *отдыха* и тем более *досуга*. Как форма социального времени *свободное время* может быть отдано не только физической релаксации, но и саморазвитию личности, овладению ею достижениями культуры, созданию культурных ценностей. Кстати, термин *свободное время* появился в начале XX в. – когда в мировой социологии начало развиваться научно-прикладное социологостатистическое исследование распределения фонда времени суток (недели, месяца, года) на различные виды деятельности. *Свободное время* может быть отдано досугу, а может быть наполнено (например) перемещением к месту труда (дорога на работу и с работы), само по себе *свободное время* – самоценный ресурс для восстановления сил и развития личности.

Частью *свободного времени* всегда был *отдых*. Понятие это в СССР было нагружено социальной ответственностью: *отдых* считался конституционным правом гражданина и гражданки и был обозначен как «время для восстановления сил и повышения работоспособности» [Черняева 2006: 31]. В свою очередь, *досуг* – это часть отдыха. В русском языке слово *досуг* употреблялось с XV в. и происходит от глагола «досягать», «досягнуть» – иметь возможность что-то совершить. Досугом в допетровское время именовались часы, потраченные не на развлечения, а именно на достижение чего-то, на что требуются определенные усилия и время, но не сводимые к рутинному труду.

За три столетия понятия *досуга*, *отдыха*, *свободного времени* сблизились и стали употребляться почти синонимично. Это не совсем правильно. *Досуг* и *отдых* входят в понятие времени, свободного от работы, но в это же *свободное время* включается и деятельность, направленная на поддержание жизни человека (время для личной гигиены и гигиены дома – стирок, уборок) плюс затраты времени, связанные с работой (время на дорогу до работы и обратно). В *досуг* и *отдых* все эти чистки-уборки-готовки, стояние в очередях в магазинах или в поликлиниках, проезд в переполненных вагонах метро и «загорание» в транспортных пробках в личной машине не входят. На это тратится время, свободное от работы, но это не досуг. Как не является досугом участие в общественных или ритуальных мероприятиях (от профсоюзных собраний до посещения своего духовника в церкви); все перечисленное – именно часть *свободного времени*.

А что же с *отдыхом* и *досугом*, где проходит водораздел между ними? Расхождения между отдыхом и досугом – в разном соотношении биологического и социального. В *отдыхе* больше биологического (сон, расслабление, релакс – они есть и в животном мире), а *досуг* – явление социальное. Не случайно А.С. Пушкин упомянул рифму как «звучную подругу вдохновенного досуга»: отдых не может быть вдохновенным, а досуг – он «вдохновенный», подчеркнута небологичный.

Алиментарные практики лиц умственного труда: домашняя работа или отдых? Распределение фонда рабочего, вне рабочего и свободного времени (в последнее входит отдых и досуг) – аспект антропологии женской повседневности. Даже поверхностный взгляд на опубликованные воспоминания, равно как анализ рассказов респонденток, представляющих разные научные профессии и специальности, свидетельствует о том, что преобразование внутреннего мира личности в нарративах, исходящих от представительниц умственного труда (причем любого поколения), самым тесным образом коррелирует с темой *скудности времени* на досуг, а с ним и на развлечения.

Воспоминания говорят аналитику о том, что женщины, занятые интеллектуальным трудом, по сути, трудятся почти непрерывно. И какое время у них отдается алиментарным практикам, сходу определить не так-то и легко.

Молодые годы, когда основные ступени научного роста еще не пройдены, – это время, когда представительницам интеллектуального труда надо выполнять самой рутинные профессиональные действия (сбора эмпирического материала, его обработки). Для женщин-ученых долговременность этой профессиональной занятости в структуре дневного времени, по воспоминаниям, постоянно дополнялась жизнью домашней. А она в домах научных работников, «небогатых, несколько церемонных», была жизнью, где было «много книг и мало еды» [Максимова 2004: 116]. Минуты жизни уходили на чтение, на расширение кругозора, необходимое для профессионального совершенствования. Но ко всему этому добавлялись – у «поколения нехваток и очередей» (Б. Слуцкий) – бытовые сложности, среди коих на первом месте было «доставание» еды. Можно ли такое времяпровождение, как стояние в очередях, бесконечное растрачивание жизни на чистку купленного, его готовку, сервировку, накармливание домашних и вновь на чистку и мытье предметов быта после еды – отдыхом от работы? Похоже, что нет. Кулинария и все, что было с нею связано, для старшего поколения был исключительно *домашний труд, женский домашний труд*.

Тема еды в воспоминаниях старшего поколения женщин-ученых вообще особая. Она практически не всплывает в рассказах молодых исследовательниц – и причина тому понятна: новый уровень обеспеченности продуктами питания по всей стране снял, по сути, эту проблему для многих современных женщин-ученых. Готовые полуфабрикаты изменили бюджет времени женщин, а доставка заказов на дом, ставшая нормой в 2020-е годы (после ковида) – еще более освободила их.

Но полвека назад ничего этого не было, на столах обычных советских людей была нехитрая пища, но, конечно, «старались приготовить что-то повкуснее». «В основном это были рожки с дешевой колбасой, бутерброды с плавленым сыром... отварная картошка, соленые огурцы» [Сахарова: 240]. С такого рациона, особенно в юности, начинало не одно поколение советских женщин-ученых (у которых мы собирали биографические интервью). В воспоминаниях подчеркивается демонстративное пренебрежение бытовыми неудобствами, умение приспособиться к любым житейским обстоятельствам, самой простой пище: «Мы были детьми войны, привыкли к трудностям».

И все же внимательное чтение воспоминаний и прослушанные биографические нарративы женщин-ученых заставляют задуматься и заметить ди-

лемму... Было ли *приготовление пищи одной из форм женского домашнего труда* или бывали обстоятельства, когда кулинария для женщин-ученых и тогда, полвека назад, была все же формой *отдыха и досуга*?

Мы уже писали о том, что социально-половая принадлежность и кулинария тесно связаны [Пушкарева, Жидченко]. Но было ли для женщин 1960–80-х гг. время, затраченное на приготовление вкусных блюд, временем именно досуга или все же внесосудовой формой необходимого, а порой и мучительного?

Исследователи верно заметили [Попова], что второе послевоенное десятилетие изменило взгляд социума на алиментарные практики: до войны предполагалось, что этим займется государство, в то время как женщина будет все силы отдавать работе вне дома. Потому-то в довоенное время были построены многочисленные фабрики-кухни (некоторые из них очень известны, например, знаменитое здание в виде серпа и молота в Самаре построено для рабочей столовой).

В послевоенное время от идеи масштабных фабрик-кухонь отказались. Едва советское и партийное руководство повернулось лицом к человеку – а это произошло в середине 1950-х гг. – тут же развернулась впервые в советской истории масштабная компания массового жилищного строительства, причем строительства именно индивидуальных квартир для отдельных семей, обычных, простых людей. С конца 1950-х гг. советская пропаганда через систему кинообразов и кулинарных книг (в которых женщину впервые стали называть *хозяйка*) начала связывать личное счастье женщины с кулинарными успехами на кухне [Seasoned Socialism: 36].

Домашний семейный воскресный обед, вечерний ужин за общим столом вдруг предстали символом семейного благополучия. Так правомерно ли говорить в этом контексте о том, что женщины (в том числе занятые интеллектуальным трудом, у нас собраны именно их биографические нарративы) считали приготовление пищи для себя и близких в те годы (1960–80-е) всего лишь «второй рабочей сменой», а вовсе не формой заполнения досуга и кулинарного творчества?

К 1960–80-м гг. относятся многочисленные переиздания «Книги о вкусной и здоровой пище», а также начавшего выходить в 1951 г. «Домоводства» (многотысячные тиражи его были ежегодными), появились книжки для мам «Детское питание» (Госторгиздат, 1957), «Питание школьника» (Госторгиздат, 1959), «Питание детей в семье», начавшие выходить в конце 1950-х кулинарные книги разных народов СССР и братских народов Европы («Венгерская кухня», 1959) и Азии («250 блюд китайской кухни», 1959). Женщины того времени не размышляли о том, что вынуждены отказывать себе в чем-то, покупая все эти книжки (стоили они недорого...), напротив, эти

издания имелись буквально в каждой квартире крупного города, тем более – в домах лиц, занятых интеллектуальным трудом.

Судя по воспоминаниям респонденток 1930–50-х гг. рождения, практически в каждом доме была тетрадка, блокнот, в который клеивались вырезанные из газет и журналов рецепты. В ту же тетрадь от руки записывались самые запомнившиеся блюда, которые удавалось попробовать у кого-то в гостях.

Такое отношение к домашней кулинарии заставляет увидеть в ней *разнообразие приятных личных занятий*, направленных на восстановление физических и психических сил, ведь досуг всегда имманентно связан с возможностью выбора. В определенной мере для женщин, всегда вынужденных нести на себе основную ответственность за правильное питание семьи, готовка и кормление домашних была вынужденной необходимостью. Но все же творчество, вносимое женщинами в домашние рецепты, показало, что в те десятилетия хозяйки обладали немалой степенью свободы в выборе того, когда и что им готовить, и тем самым проявлять свою заботу о других. Правда, дилемма личного удовольствия и радости (или вынужденной необходимости) ухода за другими ощущалась женщинами острее, чем мужчинами. Но и в самом сборе рецептов, а впоследствии – приготовлении по ним того, что обрадует домашних, женщины самореализовывались определеннее и успешнее.

Мужчины, как правило, никаких рецептов домашней кухни не собирали, и нам не удалось обнаружить ни одного респондента-мужчину, который бы признался, что в юности собирал рецепты (даже из тех, что сделали кулинарию своей профессией).

К 1960-м годам относится как раз медленное включение кулинарных практик в досуг не только женщин, но и мужчин, по-прежнему ожидавших, что по приходу домой каждый день их должна ждать вкусная, приготовленная для них еда [Королев]. Но все же по праздникам и особым дням мужчины 1960-х осторожно начинали апробацию собственного участия в создании блюд на основе рецептов [Kemmer D. 2000]. Для мужчин в рассматриваемое время стояние у плиты и готовка представлялась в фотографиях и кинофильмах только исключительно формой досуга, развлечением. Мужчинам легче было считать и показывать себя увлеченными кулинарией, соотносить приготовление пищи с отдыхом, так как погружение в кулинарные практики позволяло им примерить на себя роль Мастера, творческой личности, разрушителя стереотипов (хотя таких слов тогда не знали) [Short]. Женщины же показывались в советском кино безропотными служанками семьи и мужей, которые спешили приготовить, накормить, вычистить – и выполнить этот домашний труд с улыбкой и готовностью не роптать.

Не стоит забывать того, что восприятие кулинарии всегда определяется содержанием культурного дискурса, выстраиваемого вокруг данной сферы деятельности; в кино и телепрограммах приготовление еды мужчинами репрезентировалось как развлечение, как особый дополнительный навык... В то же время женская кулинария представляла именно повседневной деятельностью, *домашней работой* во имя благополучия семьи и узкого круга родственников. Умение девушек быстро очистить, нарезать (готовя еду) демонстрировалось в особой ТВ-программе («А ну-ка, девушки!», с 1970 г.) и никогда не было формой соревнования мужчин (существовала зеркальная передача «А ну-ка, парни!»).

Женщины могли воспринимать «стояние у плиты» как грустную неизбежность, но не всегда и не все. Эффективность досуга может быть оценена уровнем самосознания и степенью самореализации индивида. Иногда женщинам удавалось самореализоваться – и в материально-предметном (вкусное блюдо) и в коммуникативном (чтобы получить похвалу) смыслах. Вот такого рода успешность женщин очень часто транслировалась в кинофильмах.

Заключение. Из сказанного можно сделать вывод о том, что разные сферы домашней деятельности и само домашнее пространство могли быть досуговыми для женщин, но не в полной мере. Они конструировались женщинами и мужчинами в качестве таковых в зависимости от внешних обстоятельств и собственных личностных особенностей.

Женщины чаще всего *не были* склонны рассматривать домашнее пространство как досуговое: слишком много их ждало дома обязанностей.

Мужчины чаще смотрели на возвращение домой как на место отдыха и досугового времяпровождения. Если же они понимали, что возвращение с работы означает участие в домашних делах, то тоже переставали оценивать домашнее пространство как досуговое, и даже их кулинария переставала тоже быть приятным развлечением (а если для кого-то такое было прямой обязанностью – то об этом не принято было рассказывать, с кем-либо делиться) [Лыткина].

Напротив, женщины эпохи полвека назад (во всяком случае до развала советских семейных традиций в годы перестройки) в случае, если отдавались кулинарным практикам от души, то с удовольствием рассказывали об этом и тем самым подчеркивали, что для них готовка – это радость и как раз самый настоящий, полноценный досуг. Для тех, кто занят тяжелым физическим трудом, даже само занятие трудом умственным – уже не труд, а отдых, «привилегия избранных, полученная за счет упорного и длительного труда многих» [Веблен]. Тогда и кулинарные опыты у плиты предстают делом свободного выбо-

ра (хочу – куплю полуфабрикаты, хочу – буду творить кулинарный шедевр у плиты).

Можно говорить также о применимости к кулинарии термина «работа-досуг» венгерского социолога М. Сабо [Szabo] – он сконструирован ею как рабочий инструмент при невозможности разделить труд по необходимости и работу в удовольствие, работу для отдыха от другого вида деятельности. Гибридное понятие «работа-досуг» лучше отражает восприятие кулинарии, которая периодически приносит удовольствие, наполняет смыслом текущий момент, омолаживает или расслабляет (свойства, приписываемые досугу) – либо становится тяжелым, утомительным, изматывающим действием по моральному принуждению (утомительность = характеристика, связанная с работой, как оплачиваемой, так и неоплачиваемой). Очень многое зависит от того, как ты сам воспринимаешь реальность (неслучайно для каждой из нас *удинение* – это отдых, но *одиночество* – тяжелое психологическое состояние). Так что все зависело от контекста (вероятно, как и сейчас), психологического настроя и мотивации.

Список литературы

- Барт Р. Система моды: статьи по семиотике культуры / пер. с фр., вступ. ст., сост. С.Н. Зенкина. Москва: Академический проект, 2018. 430 с.
- Веблен Т. Теория праздного класса. Москва: Прогресс, 1984. 367 с.
- Королев Б. Дневник. 1.06.1960 // Прожито: сайт. URL: <https://corpus.prozhito.org/>
- Лыткина Т.С. Домашний труд и гендерное разделение власти в семье // СОЦИС. 2004. № 1. С. 85–90.
- Максимова И. Моя подруга Наташа // Время, оставшееся с нами. Филологический факультет 1953–1958 гг. Воспоминания выпускников. Москва: Макс-Пресс, 2006.
- Попова О.Д. Кулинарные книги и практики питания в советской женской повседневности 1960-х // Женщина в российском обществе. 2024. № 1. С. 120–139.
- Пушкарёва Н.Л. Труд и отдых женщин-ученых в советской и постсоветской России // Этнографическое обозрение. 2021. № 3. С. 98–105.
- Пушкарёва Н.Л., Жидченко А.В. Гендер и кулинарная основа культуры // Уральский исторический вестник. 2021. № 1. С. 193–195.
- Сахарова Г. МГУ – как много в этом слове... // Время, оставшееся с нами. Филологический факультет 1953–1958 гг. Воспоминания выпускников. Москва, 2006. С. 211–241.
- Холмс Б. Вкус: наука о самом малоизученном человеческом чувстве. Москва: Альпина Паблшер, 2020. 348 с.
- Черняева Д.В. Право на отдых // Справочник кадровика. 2006. № 9. С. 31–35.
- Counihan C. Foreword. Siniscalchi V., Harper K. (eds.). Food Values in Europe. L., Bloomsbury Academic, 2019, pp. 10–12.
- Kemmer D. Tradition and change in domestic roles and food preparation. *Sociology*. L., 2000, vol. 34, no. 2, pp. 323–333.
- Seasoned socialism: gender and food in late Soviet Everyday Life*. Bloomington: Indiana University Press, 2019. 394 с.
- Short F. Kitchen secrets: The meaning of cooking in everyday life. Oxford, Berg, 2006, 168 p.
- Szabo M. Foodwork or foodplay? Men's domestic cooking, privilege and leisure. *Sociology*, 2013, vol. 47, no. 4, pp. 623–638.

References

- Bart R. *Sistema mody: stat'i po semiotike kul'tury* [The Fashion System: Articles on the Semiotics of Culture], trans. from French, comp. by S.N. Zenkina. Moscow, Academicheskii proekt Publ., 2018, 430 p. (In Russ.)
- Chernyaeva D.V. *Pravo na otdykh* [The Right to Rest]. *Spravochnik kadrovika* [Personnel Officer's Handbook], 2006, no. 9, pp. 31–35. (In Russ.)
- Holmes B. *Vkus: nauka o samom maloizuchennom chelovecheskom chuvstve* [Taste: the science of the least studied human sense]. Moscow, Alpina Publisher Publ., 2020, 348 p. (In Russ.)
- Korolev B. *Dnevnik. 1.06.1960* [Diary. 1.06.1960]. *Prozhito* [Lived]. URL: <https://corpus.prozhito.org/> (In Russ.)
- Lytkina T.S. *Domashniy trud i gendernoye razdeleniye vlasti v sem'ye* [Housework and gender division of power in the family]. *Socis*, 2004, no. 1, pp. 85–90. (In Russ.)
- Maksimova I. *Moya podruga Natasha* [My Friend Natasha]. *Vremya, ostavsheyeya s nami. Filologicheskii fakul'tet 1953–1958 gg. Vospominaniya vypusknikov* [The Time That Remained with Moscow University Faculty of Philology. 1953–1958. Memories of Graduates]. Moscow, Max-Press Publ., 2006. (In Russ.)
- Popova O.D. *Kulinarnyye knigi i praktiki pitaniya v sovetskoy zhenskoy povsednevnosti 1960-h gg.* [Cookery books and nutrition practices in the everyday life of Soviet women in the 1960s]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve* [Woman in Russian society], 2024, no. 1, pp. 120–139. (In Russ.)
- Pushkareva N.L., Zhidchenko A.V. *Gender i kulinar-naya osnova kul'tury* [Gender and the culinary basis of culture]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Bulletin], 2021, no. 1, pp. 193–195. (In Russ.)
- Pushkareva N.L. *Trud i otdykh zhenshchin-uchenykh v sovetskoy i postsovetskoy Rossii* [Work and Rest of Women Scientists in Soviet and Post-Soviet Russia]. *Etnograficheskoye obozreniye* [Ethnographic Review], 2021, no. 3, pp. 98–105. (In Russ.)

Sakharova G. *MGU – kak mnogo v etom slove...* [Moscow State University – how much is in this word...]. *Vremya, ostavsheyeya s nami. Filologicheskii fakul'tet 1953–1958 gg. Vospominaniya vypusknikov* [The time that remains with Moscow University Faculty of Philology 1953–1958. Memories of graduates]. Moscow, 2006, pp. 211–241. (In Russ.)

Veblen T. *Teoriya prazdnogo klassa* [The Theory of the Leisure Class]. Moscow, Progress, 1984, 367 p. (In Russ.)

Counihan C. Foreword. Siniscalchi V., Harper K. (eds.). *Food Values in Europe*. L., Bloomsbury Academic Publ., 2019, pp. 10–12.

Kemmer D. Tradition and change in domestic roles and food preparation. *Sociology*. L., 2000, vol. 34, no. 2, pp. 323–333.

Seasoned socialism: gender and food in late Soviet Everyday Life. Bloomington, Indiana University Press Publ., 2019, 394 p.

Short F. *Kitchen secrets: The meaning of cooking in everyday life*. Oxford, Berg Publ., 2006, 168 p.

Szabo M. Foodwork or foodplay? Men's domestic cooking, privilege and leisure. *Sociology*, 2013, vol. 47, no. 4, pp. 623–638.

Статья поступила в редакцию 11.02.2025; одобрена после рецензирования 17.02.2025; принята к публикации 18.02.2025.

The article was submitted 11.02.2025; approved after reviewing 17.02.2025; accepted for publication 18.02.2025.